УДК 342.41

ОСОБАЯ РОЛЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.И. Дорохов*

Аннотация. Рассматриваются историко-теоретические и правовые аспекты развития российской государственности в историческом контексте, дается оценка особой роли государства в содержании российского цивилизационного процесса, подчеркивается перманентность реформирования структур власти и общества в целом.

Ключевые слова: Российское государство, российское общество, государственные реформы, власть, цивилизационный процесс, российская цивилизация.

A SPECIAL ROLE IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN STATE RUSSIAN SOCIETY

N.I. Dorokhov

Abstract. The article examines the historical and theoretical and legal aspects of the development of Russian statehood in the historical context, an assessment of the special role of the state in the content of Russian civilization process, emphasizes the permanence of reforming the structures of government and society as a whole.

Keywords: the Russian government, the Russian society, government reform, power, civilization process, the Russian civilization.

Научная специальность 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

В мировой истории Россия занимает особое место. Хотя и принято говорить, что она расположена в Европе и Азии, и во многом впитала в себя характерное для двух цивилизаций — европейской и азиатской, тем не менее, ее история, безусловно, носит самостоятельный характер. В тоже время нельзя отрицать и того, что Россия серьезно подверглась влиянию, как Европы, так и Азии. В свою очередь и страны этих регионов испытали на себе влияние России. Иначе говоря, исторический процесс взаимосвязан и взаимообусловлен. Каждая страна имеет свою особую историю цивилизации, которая отличает ее от других стран. Сказанное имеет прямое отношение и к российской цивилизации [1, с. 12—415].

Одной из главных характерных черт российского цивилизационного процесса была особая роль государства, выразившаяся, прежде всего, в гипертрофированной роли верховной государственной власти по отношению к русскому (российскому) обществу и перманентном процессе государственных реформ на протяжении ряда исторических периодов развития России.

В чем истоки данных особенностей российской государственности и как они в конечном итоге повлияли на характер исторического развития России? На этот счет в литературе имеются различные мнения [2, с. 55—59].

Как известно, древнерусское государство возникло под определенным влиянием деятельности пришлого элемента — варягов, как результат освоения отдельными их отрядами огромной территории. Древняя Русь, у истоков которой стояли варяги и их славянские и ославяненные потомки, не вышла из общества в результате естественной эволюции строя славянских племен. Ни князья, ни их дружинники не были выходцами из славянского общества, хотя впоследствии и произошла их ассимиляция.

Заметное влияние варяжского элемента делало государственность как бы наружной, внешней формой. Славянские и финские племена, жившие на этой территории, восприняли привнесенные формы государственного устройства, но сохраняли свой родовой быт и родовую психологию.

Так формировалось особое политическое образование с необычайно глубокой пропастью между правите-

© Дорохов Н.И., 2015 Статья опубликована в открытом доступе на сайте sovnauka.com

* ДОРОХОВ НИКОЛАЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, профессор
Московский институт экономики, политики и права
Контакты: Климентовский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 115184
E-mail: arnita@mail.ru

лями и управляемыми. В Древнерусском (Киевском) государстве и обществе отсутствовал объединяющий общий интерес: государство и общество сосуществовали, сохраняя свои особые отличия, и вряд ли чувствовали какие-то обязательства друг перед другом.

Кроме того, у правящей варяжской династии, а впоследствии и у русских князей не было установленного по праву первородства порядка наследования Киевом и другими городами и волостями. После смерти князя его княжество дробилось между сыновьями. Удел, наследуемый русским князем от отца, делался его вотчиной и эксплуатировался как собственность. Так стала складываться собственническая, вотчинная манера отправления державной власти. В дальнейшем московские цари смотрели на свою империю, раскинувшуюся от Польши до Китая, глазами вотчинников, как глядели некогда их предки на свои крошечные уделы [3, с. 78, 79].

Эти особенности российской государственности хорошо описал и В.О. Ключевский. Он подчеркивал, что в России выработалась низшая форма государства — вотчина. Павел, Александр I и Николай I владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес.

Традиция рассматривать вверенную им страну как собственность сохранялась у российских правителей во все времена, в том числе и в новейшее время.

Особенности, отличавшие раннюю русскую государственность (вотчинный характер правления и необыкновенно глубокая пропасть между держателями политической власти и обществом), были усилены монголо-татарским завоеванием в XIII—XIV вв.

Двухвековое золотоордынское иго превратило русских князей в «служебников» монгольских ханов. Ни один князь не мог получить власть, не заручившись предварительно грамотой монгольского хана. Чтобы получить ярлык на княжение удельный князь отправлялся на много месяцев в Орду. А там он должен был совершить особый ритуал — проходить в монгольских одеждах между двух костров — и коленопреклонно просить о грамоте на свою вотчину. Князья находились под бдительным взором ханских баскаков, живущих в русских городах и наблюдавших за сбором дани и действиями князей. Любой ложный шаг русского князя, любые недоимки могли закончиться вызовом в Сарай и передачей ярлыка более угодливому сопернику.

Так постепенно создавалась генерация покорных князей. Непокорных же унизительно наказывали или казнили.

Русские князья впитывали дух государства восточного типа, дух абсолютной, никем и ничем не ограниченной власти, отношения жесткого подчинения и беспрекословной покорности подданных. Обязанные, в новых условиях, выполнять ханскую волю, они уже не могли мириться с былой независимостью и правами своей старшей дружины.

Укреплению государственного деспотизма способствовало ослабление прав и роли городов. Основные свои удары монголы обрушили именно на города. По подсчетам археологов из 74 русских городов XII—XIII вв., известных по раскопкам, 49 были разорены Батыем. Города многих княжеств разрушались в XIII в. по нескольку раз (Переяславль-Залесский — четыре раза; Суздаль, Рязань, Муром — три раза; Владимир — два раза и т.д.) [4, с. 42, 45].

В условиях прифронтового государства, постоянной внешней опасности города лишались старых вольностей. При этом резко возросла власть и роль князя. И еще один фактор того времени, который предопределил особое усиление верховной власти: в результате ордынского нашествия произошла гибель основной части господствующего класса.

По данным специалистов в середине XIII в. на Рязанской земле погибло девять из двенадцати князей; из трех ростовских князей погибло два; из девяти взрослых суздальских князей пятеро было убито. Анализ родословных книг московского боярства XVI в. свидетельствовал, что московские и северо-восточные роды бояр не имели предков до нашествия Батыя. Кроме того, в ходе нашествия погибла и основная масса дружинников — феодалов. Ведь именно дружины вместе с горожанами защищали русские города.

Новая знать формировалась уже на базе новых отношений беспрекословного подчинения и покорности князю.

На Руси же во многом под влиянием монгольского государственного образца стали развиваться отношения феодальной личной зависимости в подданическо-холопской форме. Суть их была не только в том, что любой боярин, любой удельный князь признавал себя по отношению к государю холопом («Яз холоп твой»), а в реальной действительности. Даже высшего сановника, князя или именитого боярина можно было без суда и следствия затравить псами, поджарить на медленном огне, посадить на кол, просто казнить. Российская история заполнена казнями ближайших сподвижников верховного правителя.

Утверждение под натиском монголо-татарского ига такого типа взаимоотношений внутри господствующего класса приводило к жестокому подавлению даже самой малой оппозиции, к развитию в дальнейшем крайнего государственного деспотизма. Русская жизнь неимоверно ожесточилась, общество приучалось к мысли, что власти дозволено все. Смертная казнь, которой не знали законоуложения Киевской Руси, стала массовым явлением.

Истоки гипертрофированной, всеобъемлющей роли государства по отношению к обществу во многом кроются и в особом характере складывания русского централизованного государства в XIV и XV вв.

В Западной Европе главную роль в процессе централизаций сыграли социально-экономические обстоятельства: необходимость объединения экономических центров-городов с их бурно развивающимися ремеслами, промышленностью, товарно-денежными отношениями. Русским землям объединения диктовали политические обстоятельства: необходимость в борьбе с внешней опасностью (Ордой, Ливонским орденом, Великим княжеством Литовским), необходимость установления национальной независимости.

Это объединение для отпора агрессии извне было бы невозможным без жестокой верховной княжеской власти, абсолютного подчинения ей господствующего класса и усиления эксплуатации крестьян.

Такой процесс централизации, который шел при «опережающих» (по отношению с социально-экономическим) политических факторах, консервировал складывающиеся сугубо деспотические отношения.

В XIV в. между сильнейшими русскими княжествами (Московским, Тверским, Рязанским, Суздальским и Нижегородским) разворачивается острое соперничество за закрепление великокняжеской власти. Московский князь Иван I действовал в этой борьбе наиболее хитро и беспринципно. Большую часть своего правления он провел либо в Сарае, либо по дороге туда. Будучи ловким и даровитым дельцом (в народе его прозвали Калитой — «денежной сумой»), он нажил весьма значительное состояние, которое позволило ему не только исправно выплачивать свою долю Орде, но и покрывать недоимки других князей. Последним он одалживал деньги под залог их уделов, которые иногда забирал себе за долги.

Самым серьезным соперником Ивана Калиты в борьбе за благосклонность монголов был князь Тверской, имевший тогда великокняжеское звание. В 1327 г. в Твери поднялось антиордынское восстание, а тверской князь встал на сторону восставших. Иван Калита спешно отправился в Сарай и возвратился во главе объединенного монголо-русского карательного войска, которое самым страшным образом разорило Тверь. В награду за верность Калита получил ханский ярлык на великое княжение и право самостоятельно собирать дань для Орды.

Итак, Москва, благодаря усердной службе Орде, постепенно изолировала своих соперников и выбралась на первый план, став посредницей между завоевателями и русскими подданными. Окончательное сплочение княжеств вокруг Москвы произошло при внуке Калиты, князе Дмитрии Донском. Этот князь первый передал своему сыну великокняжеское звание, не спрашивая на то ханского разрешения.

В дальнейшем Московские князья проявляли дальновидность и выдающиеся деловые и политические способности для сохранения и приумножения своей власти. Они собирали деревни, города и промыслы, активно торговали. Стремясь не дробить по наследствию свое княжество, постепенно ввели порядок престолонаследия по праву первородства. Это дало им значительное преимущество перед соперничающими князьями. В XV в. гегемония вновь оказалась на стороне московского княжеского рода.

Во второй половине XV в. Московский великий князь Иван III, умный и властолюбивый политик, перестал платить дань Орде. При нем завершилось объединение русских земель, силой была присоединена Новгородская земля, Тверское княжество, Псков и Рязань. В 1485 г. Иван III объявил себя «государем всея Руси».

Юридически централизация ознаменовалась появлением в 1497 г. первого общерусского «Судебника», положившего начало оформлению личной крепостнической зависимости населения.

В XVI—XVII вв. государственная самодержавная власть усиливается. При Иване IV (Грозном) ликвидируются остатки феодальной децентрализации, ограничиваются судебные права феодалов. Создаются органы исполнительной власти — Приказы, постоянное стрелецкое войско, единая денежная система, вводится общегосударственный налог.

В 60—70-е гг. XVI в. Иван Грозный предпринял попытку установить абсолютную личную деспотию путем массовых репрессий, опричного террора, насильственной централизации. Попытка установления нового политического режима не удалась, но повлияла на утверждение особо деспотического характера русского самодержавия.

Тенденция к централизации и абсолютизму развивается и в дальнейшем. При Петре I ликвидируется патриаршество и создается государственный орган — Синод, управляющий делами религии. Это знаменует окончательную победу верховной светской власти над церковью. В 1721 г. Петр вводит титул императора. Россия становится империей. Вместо сословно-представительного выборного органа при царе (Боярская Дума) создается Сенат, члены которого утверждаются и назначаются самодержцем.

Особая функция верховной власти в России — государственная регламентация общественной жизни — проявлялась в самых различных областях. Но, пожалуй, наиболее характерным показателем гипертрофированной роли государства было его вмешательство в естественно текущие социальные процессы.

Под непосредственным влиянием власти образовались на Руси сословия. Общество было разделено на слои с четким определением статуса и функций каждого. Судебное Уложение 1649 г. закрепило положение различных категорий населения и круг их повинностей.

Служившие в войске или управлении составляли служилое сословие. Прочие — землевладельцы, ремесленники, торговцы и другие работники физического труда сделались «тяглым» сословием. Служилые люди не являлись первоначально знатью, не имели сословных привилегий. Однако у них были существенные преимущества. Располагая фондом земель, государство, верховный собственник, предоставляло служилым людям участок земли (поместье) с крестьянами при условии несения ими военной или гражданской службы.

Верховная власть всеми мерами стремилась закрепить сложившуюся структуру. В XVI и XVII вв. принимаются законы, запрещающие крестьянам покидать свои участки, а купцам — менять место жительства. Священники не имели права слагать с себя сан, их сыновья должны были вступать на отцовское поприще. Под угрозой тяжких наказаний простолюдинам не разрешалось переходить в ряды служилого слоя. А сыновьям служилых людей следовало по достижении совершеннолетия регистрироваться в соответствующем ведомстве. Государство всячески стремилось сделать социальное положение наследственным. Социальная структура общества становилась все более неподвижной. Так складывалась всеобъемлющая система, прикрепляющая все население к государству.

Если власть повлияла на оформление дворянства, то сословие государственных крестьян вообще было организовано как некое учреждение. Просто-напросто в одно юридическое и податное сословие были записаны различные категории не крепостного населения. В категорию «тяглых» попала часть вчерашних служилых людей. Это навсегда закрывало им дорогу в дворянство, хотя некоторые из них имели своих крепостных и владели землей.

Точно так же, путем введения штатов и записи в них, был создан слой церковнослужителей. Часть церковников тоже не попала в штат и была отнесена к сословию «тяглых».

Социальная структура города определялась административным путем. Все население было поделено на гильдии и цеха.

Вмешательство самодержавной власти деформировало и развитие слоя русской буржуазии. Владельцы мануфактур вынуждены были тратить деньги на прикупки земли с крестьянами, а не на развитие производства. Разбогатевшие промышленники стремились получить дворянское звание и влиться в привилегированное дворянское сословие.

Своим вмешательством в сферу торговых отношений государство мешало развитию купеческого торгового слоя. Купцов насильственно вовлекали в разного рода казенные «службы», принуждали организовывать специальные торговые компании. Административным путем определялось, в каких местах и какими товарами можно торговать, а где это категорически запрещено.

Верховная власть мощно вторгалась и в сферу межнациональных отношений. Русский абсолютизм обеспечивал существование, «скреплял» уникальное в истории державное образование, объединение в рамках «единой и неделимой» империи десятков народов.

В XX в., на новом витке исторического развития, были воспроизведены многие характерные особенности российской государственности, порой вседеспотический характер власти и мощное вмешательство ее в самые разные сферы жизнедеятельности общества.

Оценивая характер государства в XX в., нельзя не отметить, что оно не в меньшей степени, чем раньше отличалось мощной военно-бюрократической и репрессивной машиной. С 1930 по 1953 гг. по обвинению в контрреволюционных государственных преступлениях приговоры были вынесены около 4 млн человек [5, с. 22].

Таким образом, и в XX в., в новых условиях «верхняя власть» выбрала наиболее жесткий вариант развития. И это связано не только с конкретной обстановкой противоборства различных сил в стране и в мире. Это было обусловлено многовековыми российскими традициями государственности.

Гипертрофированная роль государства питалась особенностями русского, российского менталитета.

Много столетий население жило общиной. Здесь веками вырабатывались свои нормы поведения, свои идеалы. Историческая судьба России постепенно укрепляла в сознании народа ценность общины («мира»). Ведь именно община могла защитить человека. В ней он видел воплощение мечты о справедливости, равенстве. Многовековая история выдвинула интересы общины на первый план, поставила их над интересами конкретной личности. Идея служения общему благу, «миру», ради которого человек должен жертвовать своим личным, была важнейшей частью менталитета россиянина.

Вот почему идея служения общему государственному началу играла такую значительную роль в духовном строе народа.

Выдающийся ученый Николай Бердяев писал о роли государственного начала в жизни русского народа следующее: «Россия — самая могущественная и бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни,

отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы создания, поддерживания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не осталось сил у русского народа для свободной, творческой жизни, вся кровь шла на закрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, представляющего непосильные требования. Русская государственность превратилась в самодавлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни…

Великие жертвы понес русский народ для создания государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве» [6, с. 6, 7].

Другой важной особенностью российского государства, его роли в истории российской цивилизации явилась перманентность реформирования структур власти и общества в целом.

Российская история во многом представляет собой историю социального реформизма. Несмотря на многочисленные войны, бунты, заговоры и революции, реальные изменения в экономическом и политическом строе России на протяжении последних столетий происходили, как правило, в результате реформ, проводимых верховной властью — иногда по собственной инициативе, иногда под давлением обстоятельств.

Глубокая модернизация и европеизация России была проведена Петром Великим. С именем крупного государственного деятеля, близкого советника императора Александра I, М.М. Сперанского связан реформаторский процесс первой половины XIX в., исключительные по своему значению аграрная, судебная, городская, земская и другие реформы 60—70-х гг. XIX в. Мы говорим об этом периоде, как об «эпохе великих реформ». Процесс модернизации российского общества в начале XX в. был начат по инициативе такой значительной политической фигуры российского реформаторства, как Петр Столыпин. В истории советского общества также были и глубокая модернизация общественного уклада в конце 20-х — в 30-е гг., и хрущевский реформизм, наконец, попытки обновления общества во второй половине 80-х — 90-е гг. Административная реформа остается ключевой и в наши дни — 2010—2020-е гг.

История российского реформизма вызвала к жизни разные типы реформ, с неодинаковой степенью государственного принуждения, с разной степенью привлечения общественных сил к разработке и осуществлению преобразований.

На протяжении столетий российское реформаторство в своей основе опиралось исключительно на идею государственности. Реформы очень часто приобретали характер авторского вмешательства государства в общественные отношения. Народ выступал лишь в качестве объекта реформ.

Не только Петр с его идеей насильственного прогресса, но и другие реформаторы и государственные деятели исходили из принципа разработки и осуществления реформ исключительно «сверху».

Особенностью российских преобразований была их конфликтность. Реформы часто осуществлялись жесткими насильственными методами, имели «вкус слез и цвет крови». Причины этого крылись и в ускоренных темпах нововведений, и в недостаточном учете социальных интересов. Российские реформаторы, как правило, во многом не принимали в расчет позицию тех групп населения, которые придерживались традиционных норм жизни.

Реформы Петра шли среди глухой и упорной внутренней борьбы: четыре мятежа и несколько заговоров. Их участники выступили против нововведений. Петр жестоко расправлялся с носителями старины, стрельцами, церковниками-староверами и даже с наследником престола, не пожелавшим идти по стопам отца. А так как старое боярство, духовенство, стрельцы выставляли признаком своей оппозиции некоторые наружные особенности — бороду, длиннополое платье, то Петр горячо ополчился даже против этих мелочей.

В конце XVII в., вернувшись в Москву из-за границы, Петр сразу же принялся стричь бороды и резать длинные полы однорядок и фрезей у своих приближенных, ввел парики. Трудно вообразить, какой законодательный и полицейский шум и гам подняли из-за этой перелицовки и перекостюмировки русских людей на иноземный лад. Духовенство и крестьян не трогали: они сохранили сословную привилегию оставаться православными и старомодными. Бородачей и носителей «нелегального» платья штрафовали. Дворян, являвшихся на государев смотр с не выбритой бородой и усами, нещадно били батогами.

Сложившаяся вокруг петровской реформы атмосфера недоброжелательства достаточно ярко была отражена в поэме Сергея Есенина «Песнь о великом походе»:

Ой, во городе
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь — дурак.

Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак.
Строит Питер-град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего.
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие,
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною.

Игнорирование наследием к историческому опыту собственного народа было характерным и для других российских реформ. Часто российское реформирование несло в большей степени заряд разрушительный, чем созидательный.

Следствием этого было накопление в процессе реформ потенциала их отрицания, состояние внутренней напряженности, конфликтности общества. Реформизм в России очень часто базировался на некритическом восприятии, а порой и прямом заимствованием идей, взглядов.

Характерной особенностью многих реформ в России было также то, что государство, как инициатор реформ, не могло опираться на старую бюрократию, поэтому модернизация аппарата управления, т.е. административные реформы, являлись часто главной составной частью преобразований.

Постоянные видоизменения госучреждений неизбежно расширяли слой бюрократии. Она гибко откликалась на изменения, трансформировалась, переливалась из одной структуры в другую, но выживала и укреплялась. Численность бюрократии в России быстро росла. Только за первую половину XIX в. число государственных чиновников увеличилось более чем в четыре раза [1, с. 425].

Особая роль государства в процессе российских реформ «сверху» превращала бюрократию в единственного их разработчика и руководителя. Ее значение в судьбах реформ в нашей стране огромно. С одной стороны, бюрократия разрабатывала и осуществляла нововведения, с другой — она могла выступить и их противницей, если преобразования грозили сложившейся традиционной иерархии. От позиции правящей элиты, от результатов борьбы разных групп и кланов бюрократии зависела окончательная судьба реформ в России. Не учитывая этого, нельзя понять и такое российское явление, как диалектику реформ и контрреформ.

Постоянная череда реформ и контрреформ, новаций и попятного движения — характерная особенность российского реформационного и цивилизационного процесса. Наконец, нельзя не отметить, что русские реформаторы часто игнорировали права при проведении реформ и чрезвычайно редко имели грамотный социальный и политический анализ для их осуществления, четкое и ясное представление о том, при помощи каких социальных и политических сил могут быть введены новации.

Отмеченные характерные особенности роли государства в истории российской цивилизации объективно предопределили такую черту российского исторического процесса как противоречивость, конфликтность развития отечественной истории, предрасположенность российского общества к крайностям.

Пограничное положение между Европой и Азией наложило отпечаток на общественное развитие, способствовало противоречивому сочетанию европейских и восточных черт. В России как бы сходилась цивилизация лесов (охотники, рыболовы, пахари, на расчищенных от лесов пространствах) с цивилизацией степняков — кочевников, волнами накатывавших на оседлое население. И та, и другая влияли на формирование российского общества и государства, складывавшегося на просторах двух частей света, лишенных резких географических рубежей. Это обстоятельство наложило отпечаток на весь ход истории страны. Россия развивалась во взаимодействии и в борьбе то с Европой, то с Азией. И восточные и западные элементы присутствуют в русской жизни, в русской истории.

Известно, что общественно-политическая мысль России постоянно обращалась к этому противоречивому явлению исторической действительности. В концепциях западников и славянофилов отразилось преувеличение одной из сторон, составляющих сложный цивилизационный облик России. Западники считали, что русский путь — это западноевропейский путь. Самобытные элементы российской жизни они относили к проявлениям отсталости от прогрессивного запада. Славянофилы же, наоборот, развивали идею о принципиальном отличии российского развития от западноевропейского, всячески выдвигали вперед исключительную самобытность общинной, патриархальной, православной Руси.

Двойственную, противоречивую природу русской жизни подчеркивал и Н. Бердяев. В своем труде «Судьба России» он развивал мысль о том, что в русском народе одновременно уживается и восточная приверженность государственному началу, и западный идеал свободы.

В истории России эта двойственность выразилась, — считал он, — в постоянном чередовании разрушительных бунтов вольницы с периодами усиления власти, сдерживающей эту вольницу железной рукой.

Прирастая все новыми и новыми территориями, Империя становилась полиэтническим обществом. Это был сплав индо-европейской, урало-алтайской, монгольской, тюркской и других этнических линий.

Причем старые земли не были метрополиями, а новые земли нельзя было назвать колониями. Особенностью России было то, что старые и новые земли представляли собой как бы общее жизненное пространство, с единой экономической и политической жизнью, единым административным делением, делопроизводством, судом, законодательством. Но внутри этого единого социума постоянно переплетались и влияли друг на друга совершенно различные типы обществ, различные социокультурные образования. Наряду с буржуазными отношениями, развитыми в западных и юго-западных регионах, сохранялись патриархальные и родовые отношения.

Россия оказалась своеобразным цивилизованным котлом, в котором до конца, в гармоничное единство не смогло перевариться все противоречивое многообразие разных этносов. Возрастная, историческая «равновременность» существования друг с другом народов и социально-экономических укладов приводила к социокультурным расколам общества, порождала особую болезненность и кризисность общественного развития [8, с. 55, 58].

Переплетение российских полярностей могло существовать только при наличии сильной, жесткой государственной машины, скрепляющей неорганичное единство. При ослаблении же государственного механизма российское общество всегда «ломалось». Так было в XVIII в., в годы «смуты», в период гражданской войны, когда от Российской империи откололась территория, насчитывающая свыше 800 тыс. кв. км с населением более 30 млн человек. Те же процессы распада союза народов происходили в конце 90-х гг. XX в, эта же тенденция продолжает иметь место и в наши дни.

Одной из концепций, объясняющих особую кризисность, противоречивость российской истории, является концепция, согласно которой Россия характеризуется не иначе, как «догоняющей» страной. Ее развитие XVIII—XX вв. характеризуется как тип «запоздавшего» исторического развития [1, с. 428].

Основные идеи сторонников этой концепции сводятся к следующему.

В течение нескольких веков, в силу ряда исторических причин страна находилась в «режиме» постоянно «догоняющей» и спешно модернизируемой. Ситуация быстрой модернизации неизбежно порождала конфликтность и противоречия. Общество не успевало выйти из одного этапа развития, разрешить специфические для него противоречия, как перед ним уже вставали проблемы, присущие следующей эпохе.

Картина стадиального развития России всегда была «смазанной». Современность осложнялась неопределенными остатками прошлого. Отсюда ярко выраженная многоукладность общества. Корни многих российских конфликтов лежат в противоречивом сосуществовании явлений, принадлежащих разным эпохам.

«Догоняющий» тип развития предопределил специфику российского формационного развития. Для России был характерен особый тип феодализма и особый тип обуржуазивания страны.

В России отсутствовал долгий инкубационный период развития машинного производства и длительный период формирования механизма капиталистического обмена. Промышленный переворот обеспечивался в значительной степени за счет ввоза иностранной техники. Техническое обновление производства не сопровождалось столь же быстрыми сдвигами в социальных отношениях.

Серьезным было и политическое отставание буржуазного развития: сохранялась абсолютистская монархия, отсутствовала конституция, политические права и свободы, полноценные представительные органы власти, развитая сильная система политических партий и т.д.

Таким образом, основные компоненты целостной капиталистической формации в России не сложились. Происходила «прививка» крупной капиталистической промышленности в такое общественное устройство, которое принадлежало к иному формационному уровню. На базе этого завязывались новые узлы противоречий, повышалась конфликтность общественного развития. К тому же история России была переполнена переходными, переломными периодами. Народ жил в обстановке чрезвычайщины и гражданской войны.

Многие корни российской конфликтности кроются в особенностях российской власти с ее абсолютистской природой, монополизмом и мощным вмешательством в жизнь общества. Можно сказать, что в России всегда доминировал мифологический, а не критический тип мышления. Из поколения в поколение передавалось упрощенное представление о путях достижения целей социального прогресса и вера, что борьба, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых форм жизни сами собой обеспечат реализацию общественного идеала.

Все это в конечном итоге дает основание утверждать, что важнейшими доминантами российского цивилизационного развития были и остаются особая роль государства и конфликтность российского исторического развития.

Опыт мировой цивилизации свидетельствует, что государство и общество вынуждены осуществлять преобразования, модернизации, реформы, чтобы соответствовать новым требованиям.

Исторический опыт осуществления государственно-правовых реформ в России убедительно показывает, что если реформы не проводятся, затягиваются или осуществляются половинчато, не решая основных проблем, которые только накапливаются, то это может стать причиной революционных преобразований. Но революция в отличие от реформ предусматривает коренную ломку государственного строя. В связи с тем, что революции сопровождаются большими человеческими жертвами и страданиями народа (на примере революций в России это хорошо видно), то для общественного прогресса своевременная реформа все-таки предпочтительнее.

Реформы, в отличии от революции, не разрушают старое, а, опираясь на лучшее, сохраняя все ценное, определенную преемственность, созидают новое, отвечающее требованиям времени. Государственно-правовые реформы только тогда можно считать успешными, когда они решают проблемы, стоящие перед обществом, способствуют социально-экономическому развитию страны, повышают качество жизни ее граждан. Кроме того, реформы должны проводиться с учетом объективных предпосылок, потребностей общества. Многие реформы, навязанные сверху, не воспринятые народом, обречены на неудачу. Если говорить о России, то вся история ее реформ свидетельствует о том, что государственно-правовые изменения зачастую осуществляются с опозданием. А события начала 90-х гг. XX в., из-за несвоевременного проведения реформ с целью решения накопившихся социально-экономических проблем, обернулись для нашего народа «шоковой терапией».

На основании исторического опыта России, можно с уверенностью сказать, что многое из того, что происходит в ходе осуществления государственно-правовых реформ в наши дни, напоминает события далекого и не очень далекого исторического прошлого.

Одна из главных причин безуспешности российских реформ состоит в том, что вместо сознательного, целенаправленного преобразования общества, модернизации государства и общественных институтов в России проводились перманентные слияния-разделения министерств и ведомств, других органов государственной власти и управления.

Исторический опыт показывает, что государственно-правовые реформы проходили в России не всегда успешно еще и потому, что очень часто следом за ними происходили контрреформы, когда новый глава Российского государства безжалостно уничтожал то, что сделано его предшественником. Этому явлению реформ-контрреформ можно дать такое меткое определение, как «русские качели». По пути движения качелей — то вверх, то вниз — проходили многие государственно-правовые преобразования в истории нашей страны.

Государственно-правовое развитие России проделало долгий и тернистый путь. Однако более чем тысячелетний путь улучшения государства и права в нашей стране не закончен. И государство, и право России еще далеки от совершенства, от того состояния, когда Российская Федерация сможет называться правовым государством.

Авторы выражают надежду, что современные реформы, проводимые В.В. Путиным, будут доведены до логического конца, и Россия займет достойное место в ряду правовых, демократических государств Европы.

Россия не ученица и не спутница, даже не соперница Европы: она — ее преемница. Россия, фактически, только начинает жить. Это означает, что «наша историческая молодость обязывает нас не к подражанию, не к заимствованию плодов чужих культурных усилий, писал В.О.Ключевский, а к самостоятельной работе над принципами собственной исторической жизни, сокрытыми в глубине нашего народного духа…» [9, с. 388]. Эти замечательные, оптимистические слова историка, написанные в конце XIX в., не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Государственно-правовые изменения, произошедшие в нашей стране за последние два десятилетия, круто и необратимо изменили облик государства, его социально-политический и экономический строй. Продолжается новый этап Российского государства и права, новый этап страны с 1150-летним прошлым.

Литература

1. *Моисеев В.В., Дорохов Н.И.* История государства и права России: Учебник. М., 2008.
2. *Дорохов Н.И.* Государства в истории российского общества: Историко-правовые и политические аспекты // Вестник Российского нового университета. 2013. № 3.
3. *Пайпс Р.* Россия при строгом режиме. М., 1993.
4. История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991.
5. Отечественная история / Под ред. Ш.М. Мунчаева. М., 1994.
6. *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990.
7. *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. М., 1989.
8. История Отечества: Краткий очерк. Вып. 2. М., 1992.
9. *Ключевский В.О.* Избранные лекции «Курса русской истории». Ростов н/Д., 2002.